

УДК 821.161.1; 23/28
DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-128-136

АНАЛИЗ РЕЦЕПЦИИ ДЕТСКОЙ СОВРЕМЕННОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РЯДОВЫМ ЧИТАТЕЛЕМ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА. ЧАСТЬ 2. ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. К. Макаренко

Томский государственный педагогический университет, Томск

Приведены результаты исследования разных уровней прочтения и восприятия житийных текстов о сибирском святом старце Феодоре Томском, написанных для детской читательской аудитории, реципиентами подросткового возраста г. Томска. Результаты проведенного эксперимента приведены в соответствии с горизонтом читательских ожиданий, анализу которого посвящена первая часть статьи. Дотекстовый эксперимент, основанный на анкетировании учащихся воскресных и общеобразовательных школ г. Томска, имел целью выявить разные типы читателей, принадлежащих к светской или религиозной культуре, что сказалось на их представлениях о жанре жития, о феномене святости и знании конкретных святых. В ходе второго эксперимента была исследована рецепция житийных произведений для детей учащимися воскресных и общеобразовательных школ г. Томска.

Исследование проводилось в рамках рецептивной эстетики, которая ставит целью изучение реакции читателя на произведение, особенностей его восприятия текста. Именно в процессе взаимодействия читателя и текстовых структур устанавливается функциональная реальность произведения.

В современных религиозно-художественных произведениях агиографического содержания, написанных для юного читателя, присутствуют разные формально-содержательные уровни и модально-ценностные планы. Понимание сложной текстовой структуры происходит только в процессе ее конкретизации читателем. Реципиент в процессе эстетического восприятия определяет актуальность и смысловое содержание произведения, выделяет для себя эмоционально-смысловую доминанту художественного текста.

В ходе эксперимента была выявлена корреляционная зависимость рецепции текста читателем от дотекстовых факторов, главным из которых в восприятии художественно-религиозного текста является религиозное или светское миропонимание читателя.

Ключевые слова: *агиография, житийная литература для детей, сибирский святой, праведный старец Феодор Томский, рецептивная эстетика, эксперимент.*

Данная статья является продолжением начатого авторами эксперимента по исследованию читательского восприятия подростками житийной литературы для детей. В статье приводятся результаты синхронного среза взаимоотношений между текстом и реципиентом, который позволяет понять реальную картину функционирования современных житийных произведений в сфере рецептивной деятельности.

Детские житийные произведения, несмотря на их определенную простоту и ясность, относятся к текстам с потенциалом к разным реализациям в художественной коммуникации. Проблема исчерпать весь их потенциал юным читателем выражается в том, что каждым реципиентом в большинстве случаев при прочтении актуализируется определенный план содержания, а не весь смысл произведения. Как известно, «у литературного произведения есть два полюса: первый относится к тексту, созданному автором; второй – к тому, как читатель конкретизирует текст. Литературное произведение лежит на полпути между текстом автора и читательским прочтением» [2]. Определенная многоплановость многих современных детских художественно-религиоз-

ных текстов агиографического содержания может быть объяснена сложным внутренним составом произведений, который складывается из разных жанрово-стилевых традиций – жития святых, нравоучительные рассказы, психологическая проза, литература научно-популярного и познавательного характера, историческая проза, былины и легенды, сказки, малые жанры устного народного творчества (прибаутки, шутки, загадки) и др. – и включает в себя разные целеполагания: религиозное образование, нравственное наставление, образовательную и просветительскую функции.

Сложная текстовая структура современных агиографических текстов для детей получает свою конкретизацию в процессе их чтения и восприятия. Присутствующие в художественно-религиозных детских произведениях формально-содержательные уровни текста и смысловые планы могут прочитываться как во всем своем объеме и полноте, так и фрагментарно и неравномерно, поскольку читатель «волен из нескольких значений, допустимых текстом, предпочитать то, которое ближе его душевному складу или настроению...» [3, с. 43].

Акт восприятия текста всегда погружен в определенный контекст, который влияет на ту или иную рецепцию текста. Эстетическое восприятие художественного произведения предполагает наличие у реципиента предшествующего литературного и жизненного опыта, которое в терминологии Яюсса обозначается как «горизонт ожидания», обеспечивающего возможность адекватного понимания и интерпретации текста. В предшествующей статье авторами были представлены результаты установочного эксперимента, направленного на реконструкцию существующего на данный период времени «горизонта ожидания» реального и потенциального читателя современной детской житийной литературы. Данное экспериментальное исследование направлено на изучение восприятия житийных произведений о святом праведном старце Феодоре Томском учащимися подросткового возраста воскресных и общеобразовательных школ г. Томска. Представленные результаты восприятия и понимания текстов прямо или косвенно соотносятся с результатами «горизонта ожидания» опрошенных реципиентов.

Авторов интересует рецепция рядового, типового читателя. Необходимо отметить, что «в современных гуманитарных науках происходит смещение интереса „от элитарного человека к простому смертному, от эпохального исторического времени к повседневности и обыденности“» [4, с. 671], что относится и к адресату художественной коммуникации.

Материал для исследования рецепции школьниками житийных произведений для детей был получен с помощью эксперимента, проводимого в форме анкетирования реципиентов, которым были прочитаны законченные фрагменты из агиографических религиозно-художественных произведений. В результате проведения эксперимента были собраны анкеты в количестве 85 единиц (40 из воскресной и 45 из общеобразовательной школ).

Разделение в ходе эксперимента реципиентов на две репрезентативные группы читателей – ученики воскресных школ и учащиеся общеобразовательной школы – объясняется их дифференциацией в соответствии с типом культуры (религиозной/светской) и литературных вкусов [1].

Детям были прочитаны за определенный период времени законченные по содержанию фрагменты из следующих житийных произведений: «Сибирский праведник: старец Феодор Томский» монахини Евфимии (Пашенко) [5], «О дивном старце, стороне сибирской и о людях добрых: рассказы по мотивам жития праведного Федора Томского» С. В. Татаркиной [6], «Благословенный старец: рассказы из жития святого праведного Феодора Томского» Ю. А. Успеневой [7], а также в полном

объеме краткое произведение «Тайна, унесенная на небо. Праведный Феодор Томский» С. Фонова [8].

В помощь учащимся для выражения и пояснения своей рецепции были предложены следующие вопросы:

1. Понравилось ли вам житийное произведение этого автора?
2. Что понравилось или не понравилось в этом житии?
3. Что больше всего запомнилось вам после прочтения этого жития?
4. Появилось ли у вас желание подражать святым?

Первый вопрос направлен на выяснение первоначального, непосредственного, эмоционально-чувственного эстетического восприятия произведения адресатом. Ответы на второй вопрос должны помочь выразить более рациональную (явную или неявную) оценку и определить «выборочные решения читателя, который следует тем или иным перспективам понимания текста, заданным его структурой» [9]. Третий вопрос направлен на выявление выделенного читателем из текста доминирующего момента, определяющего для его восприятия построение всего произведения, который остается у реципиента в кратковременной и, возможно, в долговременной памяти. Последний пункт анкеты направлен на изучение перлокутивного эффекта житийных произведений на читателя. Поскольку важнейшим коммуникативным намерением любого агиографа является воспитание в адресате христианских добродетелей, образцом которых является святой, то важно выяснить, какое воздействие оказала эта авторская установка в художественно-коммуникативном акте.

Наблюдения над результатами эксперимента позволили сделать следующие выводы.

Ответы на вопросы предшествующего анкетирования, направленные на исследование «горизонта ожиданий» читателей подросткового периода, показали, что детерминированность восприятия реципиента религиозным образованием и сформированная аксиологическая картина мира личности влияют на отношение читателей к религиозной литературе. В своих анкетах школьники, не посещающие воскресную школу и далекие от церковной жизни, в большинстве своем выразили отрицательное или равнодушное отношение к агиографической литературе. Однако, отвечая на первый вопрос анкеты после прочтения житийных текстов для детской аудитории, преобладающее большинство школьников обеих групп дали положительную оценку произведениям (98 % учащихся общеобразовательной школы и 100 % – из воскресных школ). Некоторые реципиенты уточнили, что больше всех им понравились произведения С. В. Татаркиной

(«все понятно, понравилось», «мне очень понравилось!»), Ю. А. Успеневой («самое интересное», «очень интересное!»), монахини Евфимии (Пашенко) («да, мне очень понравилось. Было очень интересно», «я много узнала после прочитанного», «самое понятное»). Два человека отметили, что произведение монахини Евфимии (Пашенко) рассчитано на более младший возраст, чем 12–13 лет («мне не понравилось, потому что слишком детский»).

В некоторых более развернутых оценках реципиентов был раскрыт характер перлокутивного эффекта по таким параметрам, как получение/не получение читателем эстетического удовольствия («понравилось»/«не понравилось»); удовлетворение/неудовлетворение познавательного интереса («интересно», «познавательно», «много узнала», «понятное», «нудно», «запутанно») и морально-нравственного чувства («имеет моральный смысл», «имеют назидательный характер», «понравился посыл, учение», «урок»); соответствие/несоответствие произведения жанровому канону («оно не очень полное, а также в нем нет назидания и обучения»); совпадение/несовпадение содержания книги возрастной категории читателя («слишком детское»).

Результаты дотекстового установочного анкетирования продемонстрировали наличие принципиальной разницы в читательской компетенции в области религиозной литературы у детей, посещающих воскресную школу, и у невоцерковленных детей, а также в их знаниях как о феномене святости, так и о конкретных святых. Однако, как показали результаты последующего эксперимента, само восприятие текста, стратегии прочтения и перспективы понимания прочитанных произведений в читательской рецепции у учащихся, получивших религиозное образование и не получивших его, не отличаются принципиально.

Ответы на второй вопрос не различались кардинальным образом в группах воскресных школ и в общеобразовательной школе. Результаты исследования ответов на второй вопрос, в которых были выражены выборочные решения читателей, следовавших тем или иным перспективам понимания текста, позволили выделить следующие формально-содержательные уровни агиографических произведений для детей: духовно-нравственный, информативно-фактологический и эстетический. Первые два уровня относятся к содержанию, «переднему плану» произведения (по терминологии Гартмана)¹. Эстети-

ческий уровень в большей степени относится к форме произведения, «заднему плану».

Актуализированный в житийной литературе духовно-нравственный уровень содержания включает в себя модально-ценностные смыслы, которые во многом определяются разными аспектами ценностной ориентации личности: «человек ориентирован, во-первых, на свое собственное существование, во-вторых, на нравственные отношения к ближним и, в-третьих, на религиозное поклонение Богу» [11, с. 132]. В художественно-религиозных произведениях первый план, выражающий онтологический статус человека, связан с аксиологическим самоопределением человека, его внутренней позицией по отношению к самому себе, своим поступкам и словам.

Нравственные отношения героя с окружающими людьми в произведении создают этический морально-нравственный план содержания. Ориентация героя произведения в области этических смыслов и ценностей настолько важна для детской житийной литературы, что некоторыми писателями этот план содержания специально вынесен в фиксальную (вымышленную) сюжетную линию о ребенке, оказавшемся в непростой этической ситуации.

Раскрытие в детских агиографических произведениях третьей ценностной ориентации человека в мире, связанного с верой и религиозными чувствами человека, обусловлено основной темой житий – описанием пути ко спасению прославленного в лике святых подвижника.

Перечисленные формально-содержательные уровни текста и составляющие духовно-нравственный уровень содержания модально-ценностные планы в произведениях в зависимости от авторской стратегии по-разному направляют перспективу читательского восприятия. В то же время актуализация того или иного смысла адресатом происходит в зависимости от степени важности для читателя того или иного модально-ценностного плана. «Текстовые стратегии фиксируют место читателя внутри текста, которое обозначается В. Изером как „блуждающая перспективная точка“» [9]. При этом «блуждающая перспективная точка» во многом обусловлена как индивидуально-психологическими, так и социально-историческими характеристиками читателя. В выборе перспективной точки читатель не полностью свободен, поскольку ее формирование определяется и текстом, хотя «перспективы текста обладают только „характером инструкций“, акцентирующих внимание и интерес читателя на определенном содержании» [2].

Из обозначенных трех формально-содержательных уровней текста большинство учащихся воскресных школ и общеобразовательных школах во втором и третьем пунктах анкеты выделили в каче-

¹ Немецкий философ утверждал, что по структуре произведения неизбежно многослойны, но «по способу бытия» «незыблемо двуслойны»: их передний план составляет материально-чувственная предметность (образность), задний же план – это «духовное содержание» (цит. по В. Е. Хализеву «Теория литературы», с. 68 [10]).

стве наиболее понравившихся и запомнившихся эпизоды, относящиеся к духовно-нравственному уровню содержания. Из трех модально-ценностных планов более всего в житийных произведениях реципиентами отмечался этический план, затрагивающий отрицательные или благородные и великодушные поступки героев по отношению к другим людям. Особенное предпочтение реципиентами этого модально-ценностного плана видно на примере текстов С. В. Татаркиной (глава «Встреча с царем») и монахини Евфимии (Пашенко), которые содержат двойную сюжетную линию: одна – фактуальная, житийная – связана с биографией старца Феодора Томского, другая – вымышленная, рассказывающая о герое-мальчике, поступившем немилосердно по отношению к нищему человеку, но после назидания старшими исправившемся. Присутствующий в житийной сюжетной линии религиозный модально-ценностный уровень, включающий в себя нарративный план, описывающий отношение человека к Богу, был выделен в некоторых текстах меньшим количеством реципиентов, чем этический морально-нравственный.

Актуализация при прочтении главы из книги С. В. Татаркиной морально-этического плана содержания была выражена многими реципиентами в положительной оценке поведения и поступков одного из главных персонажей фиксальной сюжетной линии – князя, который многим понравился своей помощью нищему крестьянину («как князь бедному руковицы дал», «мне понравилось, что они его пожалели и дали ему деньги»), мудрым воспитанием своего внука. Отрицательную оценку у некоторых реципиентов получил внук князя из-за его высокомерного и равнодушного отношения к нищему. Этот план отметили во втором пункте анкеты около 24 % реципиентов воскресной школы и 36 % общеобразовательной.

Модально-ценностный план содержания произведения С. В. Татаркиной, связанный с морально-нравственным самоопределением человека и его личностным становлением, также был отмечен многими реципиентами, которым понравилось исправление внука князя после происшедшего события и рассказа о встрече старого князя с царем Александром I, который стал нищим странником. 5 % респондентов отметили, что им понравился сам моральный урок, который вынес мальчик («то, что внук все понял») и который они сами для себя получили («не надо жалеть вещей», «сожаление бедным»). Несколько человек обратили особое внимание на терпеливое и смиренное поведение крестьянина, который просил милостыню и которому помог князь («нищий, который стоял и просил, потому что он терпел сильный мороз, чтобы прокормить свою семью»).

Несколько меньше реципиентов ответили на второй вопрос, выделив в качестве понравившегося им в произведении модально-ценностный план, связанный с ориентацией человека по отношению к Богу. Религиозное содержание концентрируется в рассматриваемых детских произведениях в основном вокруг образа святого и его подвижнической жизни. Реципиенты воскресной школы в достаточном количестве (18 %) отметили в качестве понравившегося им образ старца Феодора и подвижническую его жизнь («Старец отрекся от царского престола и богатства из любви к Богу. Как старец Федор с радостью принял ссылку в Сибирь»).

Всего 2 % реципиентов из общеобразовательных школ отметили подвижническую жизнь старца Феодора, обратив внимание на таинственный факт в биографии святого: «мне понравилось, что император отрекся от богатой жизни и стал бедняком, при этом он творил добро».

Информативно-фактологическую сторону содержания произведения, включающего в себя информацию географического, исторического, этнографического характера, отметили всего 8 % реципиентов из общеобразовательной школы («мне понравилось описание прошлого и встреча со святым», «там все описывается, как жили раньше...»).

В ответах на третий вопрос, в котором надо было указать на наиболее запоминающийся эпизод или образ из текста, были в основном представлены те, в которых выражены морально-нравственный (10 % в воскресной школе и 35 % в общеобразовательной) и религиозный (16 % в воскресной школе и 15 % в общеобразовательной) модально-ценностные планы произведения. Учащиеся указали в третьем пункте на запомнившийся им образ старца Феодора, его духовные дары, милосердное отношение к людям («что он прозорливый, добрый, милостивый. У меня просыпается большое уважение, т. к. он угодник Божий», «как старец стоял нищий и отдавал милостыню другим»), на эпизод, описывающий встречу князя и старца, узнавание в нищем императора и отказ царя от царства ради служения Богу и людям («как император умер, и как крестьянин ожил»).

Достаточно большое количество реципиентов дали положительную (реже – отрицательную) оценку эстетической стороне произведения (16 % в воскресной школе и 13 % в общеобразовательной), обратив внимание на художественную форму повествования («мне понравилось все, и то, что автор все интересно рассказывает», «много описаний»). К этой группе относятся ответы, в которых дана оценка построению сюжета, нарративу, стилю повествования («Интересный сюжет и понятный»,

«понравились житийные произведения Татаркиной и Успеневой, т. к. их жития наиболее полные и стиль у них более-менее не детский. Они интересные. Есть рассуждения, отступления духовного плана и исторического. В житии С. Татаркиной понравилось его правдоподобие, он реалистический. История отдельных конкретных людей, которые о себе рассказывают. Чувства были выделены потому, что это рассказывал сам герой», «длинные, интересные и красивые рассказы. Познавательные»). Из этих рассуждений можно сделать вывод, что некоторым детям понравились принцип правдоподобия, художественный стиль повествования, принцип субъектной организации рассказа, введение диалогичности и психологизма, раскрывающие индивидуальный характер и внутренние переживания героев.

В книге монахини Евфимии (Пашенко) «Сибирский праведник: старец Феодор Томский», как и в рассказе С. В. Татаркиной, содержится двойная сюжетная линия: агиографическая часть о подвижнической жизни старца Феодора обрамлена более современным и вымышленным сюжетом о мальчике Диме. В связи с этим у читателя возникает двойная перспектива прочтения произведения, в котором происходят два события: одно из них носит вымышленный характер и аккумулирует сюжетную линию вокруг поступка мальчика Димы, высказавшего свое презрение к нищему дворнику. Другой событийный ряд связан с житийной историей старца Феодора Томского, которую рассказывает Диме в назидание священник. Сюжетная линия о мальчике Диме имеет в большей степени морально-этический характер, поскольку строится вокруг отношения Димы к дворнику. Кроме того, в этом произведении большое место занимает исторический контекст: упоминаются исторические факты, связанные с деятельностью Ивана Грозного, Петра I, Кутузова и Наполеона, Александра I. Смысловый акцент при прочтении может быть поставлен на морально-этической и фиксальной, вымышленной сюжетной линии, либо на житийной и фактуальной, либо на историческом контексте.

Большее количество реципиентов воскресной школы в ответе на второй пункт выделили в качестве понравившихся эпизоды, связанные с этической морально-нравственной проблемой рассказа (26 %) и в меньшей степени с религиозным планом (10 %), который концентрируется вокруг образа старца Феодора. Особенно внимание у школьников вызвал дворник Вася (5 %) (понравилось: *«то, что Вася всегда помогал в церкви и там было всегда тепло, его робость, трудолюбие»*), в меньшей степени реципиенты обратили внимание на мудрого взрослого – священника, который был оценен

школьниками положительно, а мальчик Дима и его отношение к Васе – отрицательно (*«судил по внешности, а не по душе»*). Несколько человек выделили саму мораль рассказа (*«то, что надо относиться ко всем одинаково»*, *«урок, который вынесли герои»*).

В ответах на третий пункт анкеты из наиболее запомнившихся эпизодов из книги монахини Евфимии (Пашенко) большая часть реципиентов также отметила относящиеся к духовно-нравственной проблематике образы и сюжетные линии. Надо отметить, что у многих детей остался в памяти образ бомжа Васи (16 %), второстепенного персонажа, который поразил их своим поведением: честно трудился, был скромным в общении с другими. Видимо, заложенная контрастность в образе бомжа, как и сам этот нередко встречающийся в современности на улицах образ, особенно оказался в житийном произведении актуализирован в сознании читателей. Этот образ в рецепции читателей оказался конкурирующим с положительным образом священника (*«батюшка приютил Васю в храме, что собственный крестник батюшки думает так плохо о бродяге. И то что батюшка очень хороший»*) и мальчиком Димой. Главный в фиксальной линии герой Дима запомнился реципиентам своим отрицательным поведением (*«как Дима выгонял Васю»*, *«как Дима сказал, что Вася бомж»*, *«Дима осуждал Васю»*). Также некоторые выделили в качестве запомнившегося им впечатления от текста саму мораль и нравственный урок из этого рассказа (*«что надо обращаться с людьми, как к тебе бы обращались»*, *«в человеке главное не облик, а душа»*).

В большей степени связанная с религиозной частью агиографическая часть произведения, которая посвящена жизни старца Феодора, была отмечена во втором пункте анкеты меньшим количеством реципиентов (10 %). Учащиеся выделяли сам образ святого, его подвиги и духовные дары (*«старец Феодор помогал детям не за деньги»*), духовный дар прозорливости (*«то, что он знал все про всех»*), загадочность в поведении. В третьем пункте анкеты агиографическая часть произведения монахини Евфимии запомнилась через биографические детали жизни старца (*«что старец Федор одевался по бедному и у него не было родителей»*, *«переход старца из столицы в Сибирь (Томск)»*), его внешний вид и прозорливость (*«то, что он знал все про всех»*).

Всего 2 % реципиентов отметили в произведении монахини Евфимии достоинства или недостатки художественной формы произведения (о сюжете: *«запутанно и сложно»*). В качестве достоинств поэтики книги были отмечены наличие нравоучения и морали, реалистичности в изображении

современной жизни, принцип организации повествования – построено в форме диалога героев, который имеет энигматический характер («рассказ в форме диалога. Есть некая интрига, когда читатель вместе с мальчиком задает вопросы священнику. Это создает интерес. Этот рассказ строится на нравственной и поучительной основе. Сама житийная часть не такая большая, потому что много рассуждений мальчика и священника», «хорошо, что это диалог», «сам принцип повествования, и мне понравилось, что все реально написано о современной жизни, о нашей жизни»).

Информативно-фактологическая сторона этого произведения, несмотря на включение многих исторических фактов и событий, связанных и не связанных с основной линией, детьми оказалась почти не отмечена (1 %) («история, когда святой рассказал, что случилось на войне с Наполеоном»).

Таким образом, можно отметить, что в рассмотренных детских произведениях житийного содержания, в которых фактуальная житийная часть обрамляется фиксальной сюжетной линией о ребенке, близком по возрасту и по встречающимся нравственно-этическим проблемам читателю, многие реципиенты обращают внимание на обрамляющий житийный сюжет вымышленной истории о ребенке, его проступке и исправлении. Читателями нередко смысловой акцент с агиографической части переносится на более для них актуальную и потому интересную морально-этическую. И это становится понятным в свете результатов дотекстового эксперимента, когда многими подростками были выделены в качестве положительных качеств святого человека именно морально-нравственные качества.

Рассказ «Холстинки» из книги Ю. А. Успеневой весь построен на житийном материале и содержит одно событие – историю с покупкой купцом Хромовым для старца Феодора хорошего холста, который был заменен его женой на худший, что и открылось прозорливому старцу. Сам сюжет Ю. А. Успеневой полностью взят из «Жития святого праведного старца Феодора», составленного игуменом Силуаном (Вьюровым), но дополнен деталями из сферы купеческого быта XIX в., внутренними монологами и диалогами героев, художественным стилем повествования. Но поскольку этот рассказ отличается однособытийностью, то внимание детей не находится в состоянии выбора между параллельными сюжетными линиями. Именно по отношению к этому тексту большинство реципиентов во втором и третьем пунктах анкеты в качестве понравившегося и запомнившегося им выделили образ старца Феодора и его подвижническую жизнь – 18 % («понравилось, что он

каждый день молился, не жалея колен»), своей добротой и великодушием («что он добрый», «нет разницы, какая у него рубашка»), прозорливостью («он знал о будущем»). Однако в этой истории многими был отмечен как понравившийся и запомнившийся им образ жены Хромова (10 %), ее непослушание мужу и проявленная жадность по отношению к старцу (16 %). В ее образе отмечался именно морально-нравственный аспект ее отношения к другим людям. Таким образом, внутри одной сюжетной линии реципиенты обратили внимание на религиозную сторону жизни, связанную с образом старца Феодора, и морально-нравственный этический план содержания, который касался поступка жены Хромова и прощения ее старцем Феодором («как жена пообещала мужу и не выполнила», «как жена Хромова купила плохой холст», «то что жена Хромова стала щедрой и доброй», «старец помог ей измениться», «что старец Феодор не обиделся»). Важным для детей оказался и сам морально-нравственный урок, который вынесла жена Хромова для себя, решив для себя стать доброй и щедрой («мне понравился сам урок, который извлекла та девушка; «жена купца осознала, что она поступила плохо», «то, что жена купца исправилась»), и само нравоучение рассказа («мне понравилось, что в рассказе есть поучение, а это очень важно», «есть чему поучиться», «не надо жалеть вещей» «щедрость и хорошие жизненные уроки»).

10 % реципиентов обратили внимание на художественную форму повествования, композиционные и стилистические особенности текста: «мне понравилось, что в рассказе все подробно описывается и интересно», «вид письма», «особенно как построен текст», «понравились житийные произведения Татаркиной и Успеневой, т. к. их жития наиболее полные и стиль у них более-менее не детский».

Таким образом, можно сделать вывод, что в прочитанной школьниками главе из житийной книги Ю. А. Успеневой агиографический пласт нарратива легко воспринимается читателями, обратившими внимание как на морально-этическую ситуацию, связанную с проступком и исправлением жены Хромова, так и на образ святого и подвижническую жизнь старца Феодора, с которым связан религиозный план содержания этого произведения.

Текст С. Фонова вызвал меньше всего откликов у реципиентов, хотя некоторые выделили его в качестве наиболее понравившегося им произведения («слишком нудно (о других рассказах. – Е. М.), кроме Сергея Фонова»). Житийный пласт сюжета в этом агиографическом произведении для детей почти редуцирован и построен на перечислении имеющих легендарный характер фактах, направленных на отождествление старца Феодора и императора

Александра I. Именно это и отметили реципиенты в своих ответах. Им понравилось и запомнилось более всего в содержании сам факт тайны в биографии старца («то, что он не открыл тайну», «сама тайна старца», «то, что он не выдавал личность»). Несколько ответов с отрицательными характеристиками носили критическую оценку по отношению к этому тексту из-за его несоответствия жанровому представлению о житиях («*понаравились все, кроме последнего, ведь в них (других. – Е. М.) есть нравоучение, «в нем нет назидания и поучения, оно ничему не учит»*). Художественная сторона произведения также подверглась критике некоторыми реципиентами. Отмечалась особенная краткость и неполнота событийного ряда биографических фактов («*Очень короткий рассказ. Ничего не запомнилось. Не было особенных событий, чтобы они понравились, «самое короткое житие С. Фонова не очень понравилось, поскольку оно не очень полное»*).

Ответы на четвертый вопрос анкеты наиболее явно отличаются у реципиентов воскресных школ и общеобразовательной. Житийное произведение имеет важнейшей целью назидание и воспитание читателя в христианских истинах и добродетелях. Это авторское намерение было воспринято учащимися воскресных школ, которые в своих ответах в преобладающем большинстве выразили стремление подражать святому, о котором узнали. 50 % учащихся написали ответ на четвертый вопрос утвердительно («да»), причем с уточнениями: «да, я хочу быть такой же смиренной, доброй и хорошей, как он»; «потому что он совершал хорошие поступки». Не выразили желаний подражать святому, о котором прочитали произведение, три человека, посещающие воскресную школу. В общеобразовательной школе 17–24 % респондентов захотели подражать святому, не появилось такого желаний у 55 % опрошенных. Этот результат позволяет сделать вывод о том, что перлокутивный эффект произведения во многом зависит от наличия предварительных установок в интерпретирующем сознании, предпонимании (в терминологии Хайдеггера) читателя. Такой дотекстовый фактор, как религиозное/светское мировоззрение реципи-

ента, не повлиявший принципиально на эстетическое восприятие и моральное удовлетворение учащихся разных групп на рецепцию житийных произведений, отразился в личной позиции читателей по отношению к описанному пути к святости. Религиозная система ценностей как дотекстовый фактор подготовила читателей из воскресной школы к восприятию образа жизни святого как примера для подражания в отличие реципиентов с секулярной аксиологической картиной мира. Религиозная/светская система ценностей адресата оказала влияние на прочтение и понимание житийного текста как продукта художественно-религиозной коммуникации.

Исследование реакций и способов восприятия школьниками воскресных и общеобразовательных школ агиографических произведений о сибирском святом позволило установить в синхронном срезе функциональную реальность детской житийной литературы, которая, несмотря на ее непопулярность среди подростков, была воспринята большинством опрошенных реципиентов положительно. Однако необходимо отметить разные выборочные решения читателей, следовавших тем или иным перспективам понимания текста и указавших в своих ответах на выделенные ими эмоционально-смысловые доминанты религиозно-художественных текстов, которые относились к определенным формально-содержательным уровням текста и модально-ценностным планам содержания. Важен и тот результат, который получили реципиенты во время чтения и на который они указали в анкетах. Большинство реципиентов выделили в качестве перлокутивного эффекта поучение и назидание, связанные с морально-нравственным этическим и религиозным содержанием произведений. Меньшее количество реципиентов отметили полученное удовлетворение эстетического характера. Менее всего был отмечен познавательный-информационный эффект от прочтения агиографических произведений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Томской области в рамках научного проекта № 17-14-70004-ОГН.

Список литературы

1. Макаренко Е. К. Анализ рецепции детской современной агиографической литературы рядовым читателем подросткового возраста. Ч. 1: Исследование горизонта читательских ожиданий // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2017. Вып. 11 (188). С. 185–193. DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-185-193.
2. Ковылкин А. Н. Рецептивная эстетика В. Изера // Академические тетради. Вып. 14. Тетрадь четвертая. Художественное восприятие. URL: <http://www.independent-academy.net/science/tetradi/14/kovylkin.html> (дата обращения 08.10.2017).
3. Гаспаров М. Л. Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1998. С. 5–44.
4. Караулов Ю. Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1998. С. 671–672.

5. Евфимия (Пашенко), монахиня. Сибирский праведник: старец Феодор Томский. М.: Изд-во Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского, 2012. 32 с.
6. Татаркина С. В. О дивном старце, стороне сибирской и о людях добрых: рассказы по мотивам жития праведного Федора Томского. Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. 48 с.
7. Успеньева Ю. А. Благословенный старец: рассказы из жития святого праведного Феодора Томского. М.: Спасское братство, 2010. 79 с.
8. Фонов С. Тайна, унесенная на небо. М.: Изд-во Сестричества во имя святителя Игнатия Ставропольского, 2009. 32 с.
9. Максимова С. А. Типы обыденной интерпретации художественных текстов рядовыми носителями русского языка подросткового возраста (на материале интерпретирующих высказываний): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011. 165 с.
10. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 405 с.
11. Платон (Игумнов) архимандрит. Православное нравственное богословие. М.: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994. 240 с.

Макаренко Евгения Константиновна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: andre@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 07.06.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-128-136

ANALYSIS OF THE RECEPTION OF MODERN CHILDREN'S HAGIOGRAPHIC LITERATURE BY AN AVERAGE ADOLESCENT READER. PART 2. EXPERIENCE OF EXPERIMENTAL RESEARCH

E. K. Makarenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The article contains the research results of different levels of interpretation and perception of hagiographic texts about saint old man, Fedor Tomskiy, written for children's readership, recipients of adolescence in Tomsk. The results of experiment are provided according to the horizon of reader's expectations, to the analysis of which the first part of the article is devoted.

The pretext experiment, based on a questionnaire survey among the pupils of Sunday schools and general education schools of Tomsk, had the aim to identify different types of readers, belonging to secular and religious cultures, which affected their ideas of hagiographic genre, phenomenon of sanctity and knowledge of particular saints. The perception of hagiographic works for children by pupils of Sunday schools and general education schools in Tomsk was studied during the second experiment.

This research was conducted within the receptive aesthetics which is aimed to study the reader's response to works and particularities of text's perception. And the functional reality of work is determined by interacting of the reader and the textual structure.

Modern works of art and religion, written for young reader, have different formal and informative levels, modal and value plans. The understanding of difficult textual structure happens only in the process of its specification by recipient. The recipient determines relevance and semantic content of the work, distinguishes emotional and semantic dominant of the text in the process of aesthetic perception.

In the course of the experiment, a correlation was found between the reader's reception of the text and the pretext-factors. The main factor in perception of art and religious text is secular or religious world view.

Key words: *hagiography, hagiographic literature for children, Siberian saint, holy old man Fedor, receptive aesthetics, experiment.*

References

1. Makarenko E. K. Analiz retseptsii detskoy sovremennoy agiograficheskoy literatury ryadovym chitatelem podrozkovogo vozrasta. Ch. 1. Issledovaniye gorizonta chitate'lskikh ozhidaniy [Analysis of the reception of modern children's contemporary hagiographic literature by an average adolescent reader. Part 1. The study of the horizon of readers' expectations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2017, vol. 11 (188), pp. 157–165 (in Russian). DOI 10.23951/1609-624X-2017-11-185-193.
2. Kovylnik A. N. Retseptivnaya estetika V. Iзера [Receptive aesthetics of V. Iseer]. *Akademicheskiye tetrady. Vyp. 14. Tetrad' chetvertaya. Khudozhestvennoye vospriyatiye* [Academic notebooks. Issue 14. Note book no. 4. Artistic perception] (in Russian). URL: <http://www.independent-academy.net/science/tetrad/14/kovylnik.html> (accessed 8 October 2017).
3. Gasparov M. L. Poetika "serebryanogo veka" [Poetics of the "Silver Age"]. *Russkaya poeziya "serebryannogo veka", 1890–1917: Antologiya* [Russian poetry of the "Silver Age", 1890–1917: Anthology]. Moscow, Nauka Publ., 1998. Pp. 5–44 (in Russian).
4. Karaulov Yu. N. Yazykovaya lichnost' [Language identity]. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya. 2 izd., pererab. i dop.* [Russian language. Encyclopedia. Ed. by N. N. Karaulov. 2nd ed., revised and enlarged]. Moscow, Bol'shaya possiyaskaya entsiklopediya, Drofa Publ., 1998. Pp. 671–672 (in Russian).

5. Evfimiya (Pashchenko), monakhinya [nun]. *Sibirskiy pravednik: starets Feodor Tomskiy* [Siberian righteous: the elder Feodor of Tomsk]. Moscow, Izd-vo Sestrichestva vo imya svyatitelya Ignatiya Stavropol'skogo Publ., 2012. 32 p. (in Russian).
6. Tatarkina S. V. *O divnom startse, storone sibirskoy i o lyudyakh dobrykh: Rasskazy po motivam zhitiya pravednogo Fedora Tomskogo* [About the wonderful old man, the Siberian side and about the kind people: Stories based on the life of the righteous Feodor of Tomsk]. Tomsk, TSPU Publ., 2009. 48 p. (in Russian).
7. Uspen'eva Yu. A. *Blagoslovennyy starets: rasskazy iz zhitiya svyatogo pravednogo Feodora Tomskogo* [Blessed aged man: stories from the life of St. Righteous Feodor Tomsky]. Moscow, Spassky brotherhood Publ., 2010. 79 p. (in Russian).
8. Fonov S. *Tayna, unesyonnaya na nebo* [The secret which is carried away to the sky]. Moscow, Izd-vo Sestrichestva vo imya svyatitelya Ignatiya Stavropol'skogo Publ., 2009. 32 p. (in Russian).
9. Maksimova S. A. *Tipy obydennoy interpretatsii khudozhestvennykh tekstov ryadovymi nositelyami russkogo yazyka podrostkovogo vozrasta (na materiale interpretiruyushchikh vyskazyvaniy)*. Dis. kand. filol. nauk [Types of everyday interpretation of literary texts by ordinary teen age native speakers of Russian (on the material of interpretive statements). Dis. cand. of philol. sci.]. Novosibirsk, 2011. 165 p. (in Russian).
10. Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Literature theory]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1999. 405 p. (in Russian).
11. Platon (Igumnov) arkhimandrite. *Pravoslavnoye npravstvennoye bogosloviye* [Orthodox moral theology]. Moscow, Holy Trinity Sergius Lavra Publ., 1994. 240 p. (in Russian).

Makarenko E. K., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: andre@tspu.edu.ru